

- Чему не учат «уроки Сиракуз», или Нужно ли философу управлять государством?
- Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ

УДК 1(091)+321.01

Чему не учат «уроки Сиракуз», или Нужно ли философу управлять государством? (Платон, Гегель, Хайдеггер)

Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор*

Подводятся итоги трех поездок Платона к сиракузским тиранам, деятельности Г. Гегеля в берлинский период его творчества и краткого союза М. Хайдеггера с национал-социализмом. Эти итоги имеют глубокий символический смысл, являясь своего рода метафорической репрезентацией закончившихся полным крушением иллюзий философов относительно возможности практически повлиять на реальный ход событий в не лучшем образом устроенном государстве.

“What the Lessons of Syracuse don't Teach”, or: Should a Philosopher to Govern? (Plato, Hegel, Heidegger)

T. G. Rumyantseva, PhD., Professor

The results of three trips of Plato to the Syracuse tyrants, of Hegelian activity in Berlin's period of his creativity and of a brief alliance of Heidegger with National Socialism are summarized. These results have a profound symbolic meaning as a kind of metaphorical representation of the complete collapse of the philosophers illusions on the possibility of practically affect the actual course of events in a badly arranged state.

Под уроками Сиракуз я имею в виду ставшие поистине сакраментальными итоги трех поездок одного древнего афинянина, которому почему-то очень нравилось посещать сиракузских тиранов. Пройдет много веков, и уже в XX в., а если точнее, в 1934 г., после торжественной передачи ректорства во Фрейбургском университете от М. Хайдеггера «настоящему первому национал-социалистическому ректору», встретивший великого немецкого философа коллега поприветствует его следующими словами: «Ну как, господин Хайдеггер, вернулись из Сиракуз?» [1, с. 167]. Этот вопрос, по-видимому, не единожды задававшийся и Платону, получит широкое хождение в философском лексиконе всех времен и народов. Он будет символически нагружен глубокими философско-культурными и политическими смыслами и значениями и станет своего рода концентрированной метафорической репрезентацией закончившихся полным крушением иллюзий философа относительно возможности практически повлиять на реальный ход событий в не лучшем образом устроенном государстве. Более того,

сам факт навязчивого воспроизведения этого вопроса, начиная с приснопамятных античных времен и заканчивая сегодняшними днями, свидетельствует о том, что, во-первых, он не потерял своей актуальности и сегодня, а во-вторых, что уроки Сиракуз мало чему научили последователей великого афинянина.

Чтобы ответить на поставленные в заглавии статьи вопросы, обратимся для начала к самому «первооткрывателю» как реальных, так и символических Сиракуз, т. е. к Платону. Затем — к выдающемуся немецкому мыслителю Г. Гегелю, который в завершающий — берлинский период своей жизни и творчества станет поистине философским диктатором, польстившимся на духовный трон тогдашней прусской монархии. И, наконец, последним в этом мною обозначенном ряду располагается соотечественник уже упомянутого Г. Гегеля — М. Хайдеггер, чей краткий союз с национал-социализмом надолго запомнится мировому сообществу, которое на многие десятилетия подвергнет этого философа остракизму и тягчайшему карантину денацификации. Это не означает, что среди европейских философов мы не можем назвать имена и других, в чем-то, быть может, и более одиозных авторов, также

* Профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ.

не усвоивших опыт и уроки платоновских Сиракуз. Дело лишь в том, что на примере трех выше обозначенных персоналий, в силу неоспоримости их вклада в философию, становится возможным наиболее ярко и убедительно раскрыть суть поставленного нами в заглавии вопроса. Что и явилось целью данной статьи.

1. Начнем с древнего афинянина и трех его «хаждений» в Сиракузы. Известно, что в первый раз (примерно 389–387 гг. до н. э.) Платон отправился туда исключительно, как бы мы сказали, «посмотреть». Ну, модно было тогда просто попутешествовать, а в данном случае еще и освоить традиции пифагорейцев, утвердившихся в то время в ряде городов континентальной Италии и Сицилии. Платон знакомится здесь с родственником местного тирана Дионисия Старшего — Дионом и завоевывает его внимание. За это местный тиран из ревности приказывает его то ли убить, то ли продать в рабство, в котором, по отзывам современников, он все-таки побывал, и лишь случай снова вернул ему желанную свободу. Трагическое потрясение укрепило философа в мысли о необходимости придания государственной власти справедливости, нравственности и закона. Как образно напишет Н. В. Мотрошилова, Платон «неизлечимо заболел болезнью, против которой с первых диалогов предостерегал, просто-таки заклинал философов: он стал ввязываться в государственные дела, в интриги правящих групп, причем не в своей, а в чужой стране!» [2, с. 188]. Итак, первая поездка в Сиракузы его ничему не научила; более того, в 380-е гг. до н. э. после создания целого ряда диалогов и прежде всего 1-й книги «Государства», в которых он фактически разрабатывает основы своей концепции справедливого государственного правления, Платон вновь отправляется перевоспитывать тиранов. В 367 г. до н. э., уже после смерти одного из них и воцарения на Сицилии якобы более восприимчивого к советам реформаторов его преемника — Дионисия Младшего, он пытается с помощью того же Диона непосредственно воплотить в жизнь идеи своей социальной утопии. Лишь после очередного провала всех своих попыток он вновь ни с чем вернется на родину, однако желание перевоспитать молодого тирана угаснет у него, как оказалось, ненадолго. В результате — третий (!) визит в Сиракузы (361–360 гг. до н. э.). Стремление переустроить мир на разумных началах в масштабах хотя бы одного небольшого острова берет верх над всеми доводами здравого смысла. Не принимается в расчет ни собственный горький опыт, ни уроки Сократа. Тем более что в этот период своей жизни Платон был уже прочно «экипирован» всей мудростью разработанной им философской системы, в том числе

и ее социально-философской составляющей. Однако и в третий раз идея о том, что философия является единственным источником, способным насытить мудростью государственные законы, и что только правильно мыслящие философы, занявшие государственные должности, могут избавить человечество от зол и несправедливостей, терпит полный крах. Как только любопытство молодого деспота иссякло, нравственное воздействие философа на тиранию резко заканчивается, и Платон уже навсегда возвращается в родную Академию. Остаток своей жизни он проведет в тяжких раздумьях о том, почему его современники, и притом не только тираны, так и не захотели понять, что разум и справедливость являются главными началами в управлении государством; почему ни один из современных ему правителей даже не попытался провести в жизнь его идеи о построении гармоничного общества, в котором все были бы равны перед законом, а сам закон являлся бы единственным властью над людьми. Напрашиваются сравнения с Китаем, где всё было наоборот и где идеи Конфуция на долгие века приобрели статус официальной государственной доктрины, фактически составив теоретическую базу управления великой восточной империей.

2. Обратимся теперь ко второму персонажу нашего повествования, вклад и значение которого в философии будут в XX в. оценены крайне противоречиво. Одни будут писать о нем как об «апостоле свободы и разума» (Маркузе), другие — как о заклятом «враге открытого общества», «апологете тоталитаризма» и «первом официальном философе пруссачества в период феодальной «реставрации» после наполеоновских войн» [3, с. 38]. Именно такого рода оценки получают широкое хождение в философской литературе о Г. Гегеле. В чем же причины возникновения такого рода обвинений и насколько они справедливы?

Берлинский период творчества, который и снискал Гегелю подобную «славу», стал, тем не менее, самым ярким, а может, и самым счастливым периодом его жизни. Именно здесь он завершит разработку своей грандиозной философской системы, дополнив ее философией права, философией религии и философией истории. Именно здесь он опубликует ряд крупных работ, станет читать много лекций, превратив свое учение фактически в школьную философию, которую будут преподавать его многочисленные ученики и последователи. Именно здесь Гегеля изберут ректором, и он наконец почувствует, что его учение является официальной государственной философией; оно будет признано той самой духовной силой, которая единственно способна энциклопедически осветить ход

развития современного ей мира и потому является реальной, действенной силой национального возрождения прусского государства после серии опустошительных войн. Его, собственно, и пригласят в Пруссию (заметим, на чрезвычайно выгодных условиях!) именно для того, чтобы он, по словам А. Шопенгауэра, как «назначенный властями сверху в качестве дипломированного Великого философа» научил его граждан почитать государство, его историю и нацию. Вызов Г. Гегеля в Берлин «произошел на волне реакции, в период изгнания королем его правительства, состоящего из реформаторов и национальных либералов... Принимая во внимание этот факт, — пишет К. Поппер, — не является ли гегелевское назначение в Берлин шагом к «удержанию философии в разумных границах», чтобы оздоровить ее и поставить на службу «благополучию государства», т.е. Фридриху Великому и его абсолютной власти?» [3, с. 45]. Получается, что данное назначение преследовало одновременно две цели: и апологию прусского государства, и «удержание философии в разумных пределах». Кстати говоря, Гегель сам давно рвался в Берлин, и, как отмечают его биографы и современники, не только для того, чтобы возглавить опустевшую после Фихте кафедру философии. Так, по словам Р. Гайма, «он сам никогда не предполагал, что его устное преподавание может обратиться в средство для большего распространения и последней разработки его учения», и преподавание философии в университете «он нисколько не считал за надежную должность и потому не расставался с желанием перейти впоследствии к практической деятельности» [4, с. 322]. Гегеля действительно давно уже привлекало прусское государство, о чем свидетельствует в том числе и адресованное Баденскому правительству прошение об отставке из Гейдельберга. В нем он напишет, что давно ищет случая «перейти от такого ненадежного занятия, как преподавание философии в университете, к другому рода деятельности и надеется принести пользу на новом поприще» [4, с. 293].

Все это искушает меня поставить Гегеля в один ряд с уже упомянутым собратом по философскому цеху. Не думаю, правда, что он всерьез планировал заняться управлением делами прусского государства; но кто знает, ведь перед соблазном взять на себя роль мессии, философского провидца отечества, о чем он мечтал всегда, даже в ранние годы, ему устоять не удалось. Тем более, как он искренне считал, для этого у него уже была его «великая» система абсолютного идеализма. Он примет гражданство Пруссии, займет кафедру, но, главное, он проникнется духом этого государства, свяжет себя с ним до конца своих дней и сделает свою «Фило-

софию права» «научообразной хранительницей духа прусской реставрации». В этом, посвященном Пруссии, последнем изданном при его жизни крупном сочинении он фактически заставит свою философию практически служить тогдашней государственной действительности. Его знаменитая фраза «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» [5, с. 53], столько раз становившаяся предметом многочисленных и противоречивых интерпретаций, а также стремление Гегеля показать, что «философия не строит государство, каким оно *должно* быть, а стремится понять его, как оно *есть*, заботясь об объяснении существующего порядка», свидетельствуют о многом. Высшее, чего теперь эта философия должна была достигнуть, — «примирение с действительностью, искренний мир с ней, который есть результат познания». Здесь же, в «Философии права», мы находим знаменитый гегелевский апофеоз государству. Оно стало для него теперь не только равным философии по своему внутреннему достоинству и сущности, но и даже чем-то *«большим*, чем последняя», так как в одно и то же время оно существует как чувственно-временное явление, как «безусловная, неподвижная цель самому себе», как божество, требующее благоговения, как земно-божественное явление, как «отражение» вечного разума, и т. д. и т. п. Его Государство представляет божественную идею на земле, и благодаря ему человек вообще получает все достойное и всякую духовную действительность. Ясно, что речь идет не о республиканизме так пленявших его в молодости римлян и греков, а о действительном государстве со всеми присущими ему порядками, в том числе и полицейским произволом, в котором Гегелю пришлось жить и работать и которое он, таким образом, фактически сакрализовал.

Сегодня трудно ответить на вопрос о том, насколько искренен был Г. Гегель, включая в сферу своей философии интересы прусского государства, верил ли он действительно в его «воспитательный» характер, в то, что оно построено, или хотя бы в будущем может быть основано, на идее разума (читай — на его философии!). Думается, он прекрасно осознавал, что «эмпирическое» прусское государство гораздо «ниже» обоснованной им идеи государства. Скорее он лишь надеялся на постепенное прогрессивное преобразование этого государства, как, впрочем, и человечества в целом, с помощью его философии. Однако есть и те, кто вслед за Поппером убежден в сервиллизме Гегеля; в том, что тот, будучи профессором прусского королевского университета, фактически состоял в должности чиновника на службе у этого государства, и его философия стала теперь, как бы сказал М. Хайдеггер, «про-

фессорской философией профессоров философии», т. е. апологией status quo. Так или иначе, но своей вольной или невольной идеализацией существующей политической действительности он дал основания для многих обвинений такого рода. Хотя вряд ли справедливы те из них, которые столь одиозны, как у Шопенгауэра или Поппера. В любом случае у нас есть целый ряд упреков к Гегелю — как политического, так, пожалуй, и чисто философского характера. Они связаны прежде всего с несоответствием между выдвигаемой им конечной целью его философствования как созданием системы абсолютного идеализма, предметом рассмотрения которой является вечное, неизменное, божественное, и подчинением интересов этой системы условиям наличной, в данном случае, как видно, убогой прусской действительности.

3. И наконец Хайдеггер, так не любивший профессоров философии и в то же время сам ставший таким профессором на службе (в течение 9 месяцев!) у одного из самых одиозных из всех когда-либо существовавших государств в мире. Вслед за Платоном и Гегелем он также рискнул отождествить философский космос с государственным и даже принять непосредственное участие в политической жизни национал-социалистической Германии, за что и попал на долгие годы в карантин денацификации. Хотя многие впоследствии связывали этот выбор со скорее наивным, нежели расчетливо благоразумным, стремлением философа перехватить у «движения» (так в начале 1930-х гг. называли в Германии национал-социализм, который еще не успел показать миру свое подлинное лицо) инициативу и направить силы последнего на решение судьбоносных, по Хайдеггеру, задач человеческого существа. По так называемому «делу Хайдеггера» были написаны тысячи книг и статей, много работали юристы, причем как прокуроры, так и адво-

каты, так и не дав приемлемого для обывателя ответа на вопрос о том, можно ли считать его непосредственно причастным ко всем тем безумиям, что творились в тогдашнем германском государстве.

Ясно одно: пример с Платоном не стал уроком ни для Гегеля, ни для Хайдеггера. Думается, уроки Сиракуз — и реальных, и символических — показывают, что философы не должны «изменять мир» в духе Марксовых «Тезисов о Фейербахе», что каждый раз заканчивается (причем не только для само-го философа) если не риском для жизни, то уж точно риском для репутации. В качестве контрпримера можно привести Канта, всю жизнь занимавшегося тем, чем и должен заниматься настоящий философ, в трудах которого мы повсюду встречаемся с формулировками всеобщих и несокрушимых оснований бытия, познания и нравственности, вечных истин о высших предметах человеческого интереса. Как сказал бы Н. И. Бердяев, задача философа — «давать высоковольтное освещение мира, до основания пронизывая его своей рассудочностью», динамизируя мир, критикуя, наконец, существующее положение дел в морали, политике и т. п. и в то же время формируя идеал человека и общества, именно таким образом влияя на практику человеческой жизни.

Список цитированных источников

1. *Бибихин, В. В.* Дело Хайдеггера / В. В. Бибихин // *Философия Мартина Хайдеггера и современность.* — М., 1991.
2. *Мотрошилова, Н. В.* Рождение и развитие философских идей / Н. В. Мотрошилова. — М., 1991.
3. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / Карл Поппер; пер. с англ., под общ. ред. В. Н. Садовского. — М., 1992. — Т. 2: *Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.*
4. *Гайм, Р.* Гегель и его время / Р. Гайм. — СПб., 2006.
5. *Гегель, Г.* Философия права / Г. Гегель. — М., 1990.

Дата поступления в редакцию: 05.11.2011 г.